

I. V. Plaksina

**THE STRUCTURE OF THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS  
OF THE SUBJECTIVITY OF TEACHERS INCLUDED IN THE COLLECTIVE  
INNOVATION ACTIVITY**

The article reveals the results of a study of the structure of psychological characteristics of teachers' subjectivity. The research sample was made up of secondary school teachers involved in the implementation of a regional innovation project ( $N = 40$ ). The structure under study includes methods of implementing pedagogical activity corresponding to the high stages of subjectivity "expert", "master" and "creator" in accordance with the ecopsychological model of subjectivity; characteristics of the educational environment: coherence, dominance, generality, activity; parameters of creativity; propensity to accept difficult tasks; perseverance in achieving goals; motivation to improve routine methods of pedagogical activity.

**Keywords:** *subject of innovative pedagogical activity, collective subject, subjectivity, ecopsychological stages of subjectivity, structure of psychological characteristics.*

УДК 159.9

И. А. Сухарев

**ЛИЧНОСТНЫЕ ДИСПОЗИЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ  
ВИКТИМИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА**

В статье представлено эмпирическое исследование личностных диспозиций как предикторов виктимизации подростков в ситуации школьного буллинга. Выдвинута гипотеза о том, что личностные черты подростков могут выступать в качестве детерминант виктимизации в буллинге. На основе результатов исследования ( $n = 276$ , подростки от 10 до 15 лет) с применением опросника Д. Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» и подросткового варианта многофакторного личностного опросника 14PF Кэттелла получена регрессионная модель, отражающая значимое влияние таких личностных проявлений, как осторожность, нормативность, неврастения, возбудимость, склонность к чувству вины и групповая зависимость на виктимизацию жертв буллинга ( $R^2 = 0,801$ ).

**Ключевые слова:** *буллинг, предикторы, виктимизация, подростки, личностные диспозиции, напряжение, школьники, девиантное поведение.*

**Введение.** На сегодняшний день проблема подросткового буллинга остается одной из наиболее острых социальных проблем, негативно отражающихся как на обществе в целом (повышение уровня агрессии, насилия и неуважения к другим людям), так и на конкретной личности участника школьного буллинга: жертвы подростковой травли подвергаются издевательствам, угрозам, оскорблениям, изоляции, а иногда даже физическому насилию. Несмотря

на то что буллинг имеет долгую историю, его систематическое и детальное изучение в рамках психологии, антропологии, социологии и этологии началось сравнительно недавно.

Норвежский ученый Д. Олвеус, пионер исследований в области школьной травли, под буллингом понимал «преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, основанное на неравенстве социальной власти или физической силы» [3]. Им была предложена концепция буллинг-структуры как структуры ролевых отношений участников травли.

На современном этапе изучения явления школьной травли выделяются следующие направления исследований: изучение распространенности буллинга в школах [10; 15], исследование психологических характеристик участников буллинга [5; 7; 8; 11] и взаимосвязи склонности к буллингу и личностных характеристик подростков [12].

Особое место в исследованиях, освещающих проблемы школьной травли, занимают работы, посвященные поиску предикторов буллинга (по большей части социальных и психолого-педагогических). Так, стили родительского воспитания, психологический климат в семье, уровень дохода семьи и уровень образования родителей позволяют предсказывать склонность подростков к участию в буллинге [13; 15; 16].

Подростковый период сензитивен к формированию устойчивых личностных характеристик, особенно социально значимых, связанных с социально одобряемым (неодобряемым) поведением в референтных группах.

Д. И. Фельдштейн отмечал, что «...(подростки) отдают предпочтение индивидуальному выполнению социально важных дел, далеко не всегда идентифицируя себя при этом с группой, коллективом, а пытаясь самоутвердиться в таких делах, выполняемых самостоятельно, по собственному решению...» [17].

Личностные диспозиции подростков являются, на наш взгляд, перспективными предикторами виктимизации и агрессии в ситуации буллинга, а полученные на их основе предиктивные модели, с одной стороны, характеризуются устойчивостью, с другой – позволяют сложить общее представление о личностном профиле участников травли.

Так, результаты исследований В. С. Хертинджунг, Сусиловати, Вардхани, И. Радна с применением многофакторного личностного опросника Рэймонда Кеттелла показывают, что доминирующими личностными факторами жертв травли являются факторы А, В, С, F, Н, М, О. Булли и жертва имеют схожие доминирующие личностные факторы в факторах А (теплота) и С (эмоциональная стабильность) [1].

Исследования С. А. Завражина демонстрируют влияние невротического стыда на склонность к участию в буллинге как в роли жертвы, так и в роли агрессора [9]. Ф. Перлз рассматривает стыд и вину в тесной связи с чувством обиды. Не нашедшая выход, удержанная обида часто воспринимается человеком как вина и стыд. Чувство стыда, по мнению Ф. Перлза, выступает в роли своеобразного соматического «предателя», который обуславливается неспособностью выносить неприятные ситуации, а вина и обида являются, по мнению автора,

наиболее часто встречающимися и худшими видами незавершенного дела, нарушающими подлинность коммуникации [14]. Продолжая рассуждения авторов, мы предполагаем, что переживание чувства вины (как родственного стыду, но не сводящегося к нему чувства) также обладает предиктивным потенциалом в вопросах предсказания виктимизации участников буллинга.

Мета-аналитическое исследование, проведенное М. Б. Нильсеном, Л. Глазё, С. Эйнарсен (научные работы, вышедшие до января 2015 года), показывает положительную взаимосвязь виктимизации в ситуации травли и невротизма, отрицательную корреляцию виктимизации и экстраверсии, покладистости и добросовестности, статистически незначимую взаимосвязь с открытостью [2].

Несмотря на наличие большого количества исследований, указывающих на взаимосвязь личностных черт подростков и склонности к буллингу, остается не до конца оцененным вклад конкретных личностных диспозиций в предсказание виктимизации подростков в ситуации травли, что и обуславливает наше внимание к данной научной проблеме.

**Материалы и методы.** Цель эмпирического исследования состояла в поиске личностных диспозиций, выступающих в качестве предикторов виктимизации подростков, склонных к участию в школьной травле.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что виктимизация подростков, участвующих в школьной травле, детерминирована высокой нормативностью, склонностью к чувству вины и осторожностью.

Выборку исследования составили дети подросткового возраста от 10 до 15 лет ( $n = 276$ ;  $M = 12,39$ ;  $SD = 1,69$ ), учащиеся 5 – 8-х классов школ МБОУ СОШ № 1, МБОУ СОШ № 40, МАОУ «Гимназия № 73», МАОУ «Гимназия № 3» г. Владимира.

Выбор возрастной группы обусловлен ведущей деятельностью подростков (общение), в рамках которой буллинг способен принимать наиболее гротескные, яркие, аггравированные формы.

В исследовании использовались две психодиагностические методики.

*Опросник роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга Д. Олвеуса (адаптация Е. В. Бушиной, А. М. Муминовой)*, предназначенный для выявления виктимизации и агрессии участников школьного буллинга [6].

Методика основывается на представлении о травле как дисбалансе власти между сверстниками, который трансформируется в систематическое, регулярное издевательство и насилие, которые несут физический, эмоциональный, социальный вред жертве травли.

Надежность шкал методики, определенная авторами русскоязычной адаптации:  $\alpha = 0,93$  по шкале «виктимизация» и  $\alpha = 0,75$  по шкале «агрессия». Факторная структура русскоязычной методики соответствует оригинальной методике. Индекс Такер-Льюиса:  $TLI = 0,94$ . Сравнительный индекс соответствия (CFI) = 0,95.

В инструкции участникам исследования предлагается ознакомиться с термином школьной травли, в котором демонстрируются ее главные особенности, такие как регулярность,

стремление буллы нанести ущерб жертве, несоответствие силы и власти между участниками травли. Кроме того, участникам исследования необходимо отвечать на вопросы, беря во внимание, во-первых, различные формы выражения буллинга, которые упоминаются в инструкции, во-вторых, эпизоды травли, которые произошли за последние два-три месяца. В соответствии с данной процедурой каждое утверждение, связанное с конкретной формой буллинга, должно оцениваться респондентом по пятибалльной шкале.

Каждая из шкал методики (виктимизация и агрессия) раскрывается посредством восьми утверждений, касающихся разных форм травли: физической, вербальной, косвенной агрессии.

Каждое утверждение оценивается по пятибалльной шкале встречаемости, где 1 – ничего подобного не случилось в последние месяцы, 5 – несколько раз в неделю. Респонденты, сообщающие об опыте травли (виктимизации и агрессии) более чем несколько раз в месяц, рассматриваются в качестве жертв или агрессоров в ситуации школьной травли. По каждой шкале вычисляется среднее значение.

*Многофакторный личностный опросник 14PF Кэттелла (подростковый вариант)*, предназначенный для выявления личностных диспозиций (первичных черт личности) [4].

Оригинальный опросник был создан для выявления 16 различных факторов личности, представленных в формах А, В (1949 г.), С, D (1956/57 гг.) и Е, F (1961/62 гг.). Он был опубликован Институтом по проверке способно-

стей личности (JPAT) и позже адаптирован на русский язык В. И. Похилько, А. С. Соловейчиком, А. Г. Шмелевым.

Перед началом процедуры опроса испытуемому предоставляется специальный лист, на котором необходимо делать определенные пометки в процессе чтения. Испытуемому также дается инструкция, которая содержит информацию о задаче, которую он должен выполнить. Продолжительность опроса составляет примерно 25 – 30 мин. В ходе ответов на вопросы экспериментатор следит за временем, затрачиваемым испытуемым, и в случае, если испытуемый отвечает медленно, предупреждает об этом. Опрос проводится индивидуально в спокойной и деловой обстановке.

Рейтинг надежности 16PF оценивается от умеренного до хорошего. Основываясь на выборке из 10 261 человека, внутренняя согласованность шкалы в среднем составляет 0,76 для первичных шкал и находится в диапазоне от 0,68 до 0,87 для всех 16 шкал. Надежность теста в течение двухнедельного периода составляет 0,69 – 0,87 для всех шкал, а в течение двухмесячного интервала – 0,56 – 0,79.

Многофакторный личностный опросник 14PF Кэттелла является адаптацией опросника Кэттелла для подростков от 12 до 18 лет. В связи с тем, что испытуемые находятся в относительно зрелом возрасте, процедура проведения опросника совпадает со взрослой версией.

В опроснике содержится 142 вопроса, каждый из которых имеет три варианта ответа. В результате анализа

можно выделить 14 первичных факторов. Некоторые из них совпадают с аналогичными показателями для взрослой версии опросника, некоторые же уникальны.

*Методы статистического анализа:* множественный регрессионный анализ, анализ достоверности различий с применением U-критерия Манна – Уитни (для анализа особенностей осторожности-легкомысленности в группах жертв и обидчиков). Анализ данных проводился посредством программы STATISTICA 10.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Получена модель множественной линейной регрессии, демонстрирующая вклад личностных диспозиций в виктимизацию подростков, участвующих в буллинге (табл. 1).

Из 13 характеристик в итоговую модель (табл. 2) было включено шесть предикторов: фактор F (осторожность-легкомыслие), фактор G (степень принятия моральных норм), фактор J (неврастения, фактор Гамлета), фактор D (флегматичность-возбудимость), фактор O (самоуверенность-склонность к чувству вины), фактор Q2 (степень групповой зависимости).

Таблица 1

Значимость регрессионной модели

| Статистика                | Значение |
|---------------------------|----------|
| Множественный R           | 0,895    |
| R <sup>2</sup>            | 0,801    |
| Нормированный R-квадрат   | 0,797    |
| Стандартная ошибка оценки | 4,400    |
| F                         | 180,817  |
| Значимость F              | 0,000    |

Таблица 2

Личностные диспозиции как предикторы виктимизации участников школьного буллинга

| Коэффициент                               | Бета   | Стандартная ошибка (Бета) | B      | Стандартная ошибка (B) | t-статистика | P-значение |
|-------------------------------------------|--------|---------------------------|--------|------------------------|--------------|------------|
| Компонент модели                          |        |                           |        |                        |              |            |
| Константа                                 |        |                           | -0,647 | 1,186                  | -0,546       | 0,586      |
| Осторожность-легкомыслие                  | -0,112 | 0,031                     | -0,391 | 0,107                  | -3,664       | 0,000      |
| Нормативность                             | 0,270  | 0,042                     | 0,587  | 0,092                  | 6,399        | 0,000      |
| Неврастения                               | 0,163  | 0,054                     | 0,356  | 0,117                  | 3,034        | 0,003      |
| Флегматичность-возбудимость               | 0,241  | 0,050                     | 0,516  | 0,106                  | 4,861        | 0,000      |
| Самоуверенность-склонность к чувству вины | 0,118  | 0,047                     | 0,265  | 0,106                  | 2,499        | 0,013      |
| Групповая зависимость                     | 0,162  | 0,047                     | 0,367  | 0,107                  | 3,434        | 0,001      |

Первичный фактор «осторожность-легкомыслие» вносит отрицательный вклад в виктимность подростков, участвующих в школьной травле, что характеризует жертв буллинга как людей молчаливых, осторожных, мрачных, склонных к субдепрессиям ( $Beta = -0,112$ ;  $SE(b) = 0,031$ ;  $\beta = -0,391$ ;  $SE(\beta) = 0,107$ ;  $t = -3,664$ ;  $p = 0,000$ ). Осторожность и пессимистичность, характерные для жертв, мы рассматриваем как реакцию на травлю – подросток старается избежать новых эпизодов травли, сознательно уклоняясь от взаимодействия со сверстниками, ограничивая круг общения, что тем не менее зачастую приводит лишь к обратному эффекту: молчаливый, мрачный ребенок вызывает неприязнь со стороны сверстников и желание «проверить его на прочность».

Целесообразно отметить, что с возрастом проявления импульсивности и беспечности постепенно снижаются. Это позволяет сделать вывод о большей эмоциональной зрелости жертв буллинга по сравнению с другими сверстниками, что, безусловно, может становиться значительным «раздражающим» обидчиков фактором ( $U = 11268,5$ ;  $Z = -6,77$ ;  $p = 0,000$ ; жертвы:  $n = 276$ ;  $M = 6,3$ ;  $SD = 0,7$ ; обидчики:  $n = 138$ ;  $M = 10,2$ ;  $SD = 0,8$ ).

Фактор «степень принятия моральных норм» вносит положительный вклад в виктимизацию ( $Beta = 0,270$ ;  $SE(b) = 0,042$ ;  $\beta = 0,587$ ;  $SE(\beta) = 0,092$ ;  $t = 6,399$ ;  $p = 0,000$ ). Такие подростки часто выделяются своей настойчивостью и требовательностью к себе, со-

знательностью. Они очень ответственные и педантичны во всем, что делают. Однако из-за своей необщительности им может быть сложно находить общий язык с другими людьми, особенно если они попадают в незнакомую среду или культуру. В результате подобные подростки могут стать объектами буллинга со стороны сверстников, что может серьезно повлиять на их психологическое состояние (что особенно ярко проявляется в случаях переезда жертвы в другую страну).

Подростки, воспитывающиеся в семье с высокими моральными нормами, обычно больше склонны к эмпатии, состраданию и уважению к другим людям, следовательно, они реже демонстрируют агрессию по отношению к сверстникам. И напротив, подростки, не уважающие моральные нормы, могут провоцировать буллинг или участвовать в нем в роли обидчика, создавая ситуацию, в которой другие подростки, обычно следующие моральным нормам, становятся жертвами травли, что подтверждается, в том числе, полученной нами предиктивной моделью социального интеллекта.

Вместе с тем положительный вклад степени принятия моральных норм в виктимизацию подростков может обуславливаться случаями, когда школьники, гибко относящиеся к социальным и культурным традициям, прибегают к травле с целью прервать упреки со стороны жертвы по отношению к поведению или внешнему виду сверстников, попытки интегрировать в социальную группу новые морально-нравственные законы (например, при настойчивом

требовании жертвы прекратить использование обценной лексики).

Фактор Гамлета, фактор «флегматичность-возбудимость» ( $Beta = 0,241$ ;  $SE(b) = 0,050$ ;  $\beta = 0,516$ ;  $SE(\beta) = 0,106$ ;  $t = 4,861$ ;  $p = 0,000$ ) и фактор «степень групповой зависимости» ( $Beta = 0,162$ ;  $SE(b) = 0,047$ ;  $\beta = 0,367$ ;  $SE(\beta) = 0,107$ ;  $t = 3,434$ ;  $p = 0,001$ ) вносят положительный вклад в виктимизацию участников школьного буллинга. Наиболее яркие характеристики, общие для трех факторов, – это требовательность, привередливость, склонность навязывать свое мнение другим, не считаясь при этом с общественным мнением. Требовательные подростки демонстрируют сильные эмоциональные реакции (что иллюстрирует полученная нами ранее эмоциональная предиктивная модель) на неприемлемое поведение других, вызывая ответную агрессивную реакцию со стороны булли. Такие подростки могут стать объектом насмешек и издевательств из-за склонности к чрезмерному контролю и высоких требований к себе и окружающим, а их эмоциональная реакция стимулирует агрессоров продолжать травлю. Следует отметить, что привередливые и осторожные дети обычно имеют меньшую социальную поддержку со стороны сверстников, что усиливает их уязвимость перед обидчиками.

Склонность к чувству вины ( $Beta = 0,118$ ;  $SE(b) = 0,047$ ;  $\beta = 0,265$ ;  $SE(\beta) = 0,106$ ;  $t = 2,499$ ;  $p = 0,013$ ) вносит положительный вклад в виктимизацию участников буллинга (аналогично полученной нами модели эмоциональных предикторов виктимизации).

Жертвы буллинга депрессивны, им свойственны мрачные предчувствия, беспокойство, ощущение оторванности от социальных процессов. Это может

быть связано со склонностью жертв буллинга принимать на себя вину за поведение обидчика: «я сам виноват, что меня травят». Чувство вины и стыда может подавлять у жертв травли желание просить о помощи, заставляя изо дня в день возвращаться к обидчикам и терпеть новые унижения.

Таким образом, для жертв школьного буллинга характерны: осторожность, рассудительность в выборе партнера по общению, неторопливость, пессимистичность, сдержанность в проявлении эмоций, склонность к морализированию, развитое чувство долга, ранимость, ипохондричность, стремление иметь собственное мнение, склонность противопоставлять себя группе, требовательность, склонность испытывать чувство вины.

**Выводы.** Личностные особенности, такие как осторожность, нормативность, неврастения, возбудимость, склонность к чувству вины, групповая зависимость, выступают в качестве диспозиционных предикторов виктимизации подростков в ситуации школьного буллинга.

Полученные результаты могут выступать в качестве опорных при разработке программ профилактики школьного буллинга, проведении индивидуальной психологической работы с жертвами школьной травли и будут полезны школьным психологам, классным руководителям, которые сталкиваются с проблемой школьной травли, ученым – исследователям проблемы подросткового буллинга.

Дальнейшая научная работа над проблемой предполагает создание аналогичной предиктивной модели, отражающей вклад диспозиционных предикторов в предсказание агрессии подростков в буллинг-структуре.

### Литература

1. Hertinjung W. S., Susilowati & Wardhani I. radna. Profil Kepribadian 16 Pf Pelaku Dan Korban Bullying. Seminar Nasional Psikologi Iislam, 2012. 190 – 199.
2. Nielsen M. B., Glasø L., & Einarsen S. Exposure to workplace harassment and the Five Factor Model of personality: A meta-analysis. *Personality and Individual Differences*. Elsevier Ltd. 2017, January 1. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.08.015> (дата обращения: 22.12.2024).
3. Olweus D. *Bullying at school: What we know and what we can do*. Malden, MA : Blackwell Publishing, 1993. 140 p.
4. Александровская Э. М., Гильяшева И. Н. Адаптированный модифицированный вариант детского личностного вопросника Р. Кеттелла : метод. рекомендации. 2-е изд. М. : Фолиум, 1995. 34 с.
5. Бочавер А. А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 10. № 3. С. 149 – 159.
6. Бушина Е. В., Муминова А. М. Адаптация русскоязычной версии опросника Д. Ольшеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» // *Социальная психология и общество*. 2021. Т. 12. № 2. С. 197 – 216. DOI 10.17759/sps.2021120212.
7. Волкова И. В. Характеристики подросткового буллинга и его определение // *Вестник Мининского университета*. 2016. № 2 (15). С. 26.
8. Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 105. С. 159 – 165.
9. Завражин С. А. Невротический стыд как предиктор буллинга в образовательных организациях // *Башкатовские чтения «Психология притеснения и деструктивного поведения в детско-подростковой среде» : материалы шестнадцатой всерос. науч.-практ. конф. посвящ. памяти д-ра пед. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ Ивана Павловича Башкатова*. Коломна, 25 марта 2016 г. Коломна : Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2016. С. 3 – 5.
10. Король Н. В., Антипова А. А. Распространенность школьного буллинга в подростковой среде // *Universum: психология и образование*. 2023. № 6 (108). С. 26 – 28. DOI 10.32743/UniPsy. 2023.108.6.15587.
11. Лебедева О. В., Повshedная Ф. В. Буллинг и кибербуллинг в детской и подростковой среде как психолого-педагогическая проблема // *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Педагогические и психологические науки*. 2022. № 50 (69). С. 106 – 113.
12. Молчанова Л. Н., Фомина А. В., Прокофьева А. А. Особенности взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2020. Т. 10. № 3. С. 209 – 225.

13. Новикова М. А., Реан А. А. Семейные предпосылки вовлеченности ребенка в школьную травлю: влияние психологических и социальных характеристик семьи // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 4. С. 112 – 120.
14. Перлз Ф. С. Эго, голод и агрессия / под ред. Д. Н. Хломова. 2-е стер. изд. М. : Смысл, 2005. 358 с.
15. Реан А. А., Новикова М. А. Буллинг в среде старшеклассников Российской Федерации: распространенность и влияние социоэкономических факторов // Мир психологии. 2019. № 1 (97). С. 165 – 177.
16. Собкин В. С., Смыслова М. М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2. С. 71 – 86.
17. Фельдштейн Д. И. Проблемы формирования личности растущего человека на новом историческом этапе развития общества // Образование и наука. 2013. № 9 (108). С. 3 – 23.

### References

1. Hertinjung W. S., Susilowati & Wardhani I. radna. Profil Kepribadian 16 Pf Pelaku Dan Korban Bullying. Seminar Nasional Psikologi Islam. 2012. 190 – 199.
2. Nielsen, M. B., Glasø, L., & Einarsen, S. Exposure to work-place harassment and the Five Factor Model of personality: A meta-analysis. Personality and Individual Differences. Elsevier Ltd. 2017, January 1. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.08.015> (data obrashheniya: 22.12.2024).
3. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Malden, MA : Blackwell Publishing, 1993. 140 p.
4. Aleksandrovskaya E`. M., Gil`yasheva I. N. Adaptirovanny`j modifitsirovanny`j variant detskogo lichnostnogo voprosnika R. Kettella : metod. rekomendacii. 2-e izd. M. : Folium, 1995. 34 s.
5. Bochaver A. A. Bulling kak ob`ekt issledovaniy i kul`turny`j fenomen // Psixologiya. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2013. T. 10. № 3. S. 149 – 159.
6. Bushina E. V., Muminova A. M. Adaptaciya russkoyazy`chnoj versii oprosnika D. Ol`veusa «Roli zhertvy` i agressora v situacii shkol`nogo bullinga» // Social`naya psixologiya i obshhestvo. 2021. T. 12. № 2. S. 197 – 216. DOI 10.17759/sps.2021120212.
7. Volkova I. V. Xarakteristiki podrostkovoego bullinga i ego opredelenie // Vestnik Mininskogo universiteta. 2016. № 2 (15). S. 26.
8. Glazman O. L. Psixologicheskie osobennosti uchastnikov bullinga // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 105. S. 159 – 165.
9. Zavrazhin S. A. Nevroticheskij sty`d kak prediktor bullinga v obrazovatel`ny`x organizacijax // Bashkatovskie chteniya «Psixologiya pritesneniya i destruktivnogo povedeniya v detsko-podrostkovoje sredje» : materialy` shestnadczatoj vseros. nauch.-prakt. konf. posvyashh. pamyati d-ra ped. nauk, prof., zasluzh. deyatelya nauki RF

- Ivana Pavlovicha Bashkatova. Kolomna, 25 marta 2016 g. Kolomna : Gos. socz.-gumanit. un-t, 2016. S. 3 – 5.
10. Korol' N. V., Antipova A. A. Rasprostranennost' shkol'nogo bullinga v podrostkovoј srede // *Universum: psixologiya i obrazovanie*. 2023. № 6 (108). S. 26 – 28. DOI 10.32743/UniPsy. 2023.108.6.15587.
  11. Lebedeva O. V., Povshednaya F. V. Bulling i kiberbulling v detskoј i podrostkovoј srede kak psixologo-pedagogicheskaya problema // *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletov'x. Pedagogicheskie i psixologicheskie nauki*. 2022. № 50 (69). S. 106 – 113.
  12. Molchanova L. N., Fomina A. V., Prokof'eva A. A. Osobennosti vzaimosvyazej lichnostny'x kachestv i riska bullinga sredi obuchayushhixsya srednej i vy'sshej shkoly' // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 2020. T. 10. № 3. S. 209 – 225.
  13. Novikova M. A., Rean A. A. Semejny'e predposylki vovlechnosti rebenka v shkol'nuyu travlyu: vliyanie psixologicheskix i social'ny'x xarakteristik sem'i // *Psixologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2018. T. 23. № 4. S. 112 – 120.
  14. Perlz F. S. E'go, golod i agressiya / pod red. D. N. Xlomova. 2-e ster. izd. M. : Smy'sl, 2005. 358 s.
  15. Rean A. A., Novikova M. A. Bulling v srede starsheklassnikov Rossijskoј Federacii: rasprostranennost' i vliyanie socioe'konomicheskix faktorov // *Mir psixologii*. 2019. № 1 (97). S. 165 – 177.
  16. Sobkin V. S., Smy'slova M. M. Bulling v stenax shkoly': vliyanie sociokul'turnogo konteksta (po materialam krosskul'turnogo issledovaniya) // *Social'naya psixologiya i obshhestvo*. 2014. T. 5. № 2. S. 71 – 86.
  17. Fel'dshtejn D. I. Problemy' formirovaniya lichnosti rastushhego cheloveka na novom istoricheskom e'tape razvitiya obshhestva // *Obrazovanie i nauka*. 2013. № 9 (108). S. 3 – 23.

I. A. Sukharev

#### DISPOSITIONAL PREDICTORS OF VICTIMIZATION OF ADOLESCENTS INVOLVED IN BULLYING

The article presents an empirical study of dispositional predictors of adolescent victimization in school bullying situations. A hypothesis is put forward that adolescents' personality traits can act as determinants of victimization in bullying. Based on the results of the study ( $n = 276$ , adolescents aged 10 to 15) using the Olweus Bullying Roles Questionnaire (adapted by E. V. Bushina, A. M. Muminova) and the 14PF Cattell's Multifactor Personality Questionnaire (adolescent version), a regression model was obtained reflecting the significant influence of caution, normativity, neuroticism, excitability, tendency to feel guilt, and group dependency on victimization of bullying victims ( $R^2 = 0,801$ ).

**Keywords:** *bullying, predictors, victimization, adolescents, dispositions, personality, tension, schoolchildren, deviant behavior.*